

«Шанс объединения власти и народа на одной ценностной основе»

Хотел бы поделиться с вами соображениями по поводу консерватизма и его политической своевременности. И расширил бы тему даже до его исторической суверенности. Столь фундаментальный обзор, который Ольга Юрьевна (Васильева. – *Ред.*) нам представила по XIX веку, по XX веку сделать невозможно. Что означал «консерватизм» в Советском Союзе, мы знаем из уже упомянутой энциклопедии. Вопрос заключается в том, насколько уместен, насколько важен и насколько своевремен консерватизм в постсоветской России, особенно сегодня, на третьем десятилетии существования нового демократического Российского государства.

В кулуарах звучал вопрос: «Где консерватизм украинский?». После распада Советского Союза происходит то, что по-английски называется *nation building* – «строительство национальных государств». Как показывает исторический опыт, начиная с XIX века никакого другого идеологического обеспечения для построения нового государства кроме национализма нет. То есть национализм – это естественный мировоззренческий, идеологический ресурс, который помогает народу, строящему свою государственность и превращающемуся в государственную нацию.

Единственным исключением был Советский Союз, в котором реализовывался идеологический проект коммунизма. Хочу напомнить, что коммунизм в России строили не потому, что хотели строить, а потому что не получилась мировая революция. Все, кто изучал историю КПСС, знают, что знаменитый конфликт Троцкого со Сталиным в том и состоял. Троцкий хотел перманентной революции и не хотел индустриализации, потому что смешно вбухивать ресурсы в страну, которую завоевали просто как площадку для мирового пожара. На что Сталин сказал: «Мировая революция подождет. Давайте сначала укрепимся здесь». Можно обвинять его в том, что он хотел властвовать, а можно предположить, что Сталин – один из тех, кого можно причислить к традиции российского консерватизма. Но это так – для парадокса.

Вот поэтому на Украине консерватизма быть не может, там есть только агрессивный национализм. Есть слабенький либерализм – слабенький практически везде на постсоветском пространстве, в силу того, что первый либеральный прорыв (или порыв) 1990-х годов, захлестнувший в том числе и Россию, на выходе дал обескураживающие результаты. Экономически шоковая терапия и радикальная перестройка всех

принципов хозяйствования целесообразны – если вынести за скобки, что в результате страдают миллионы конкретных людей. В результате либералы практически везде, в том числе и на Украине (за исключением периода «оранжевой революции»), не могли удержать власть достаточно долго.

Есть три идеологические силы, которые могут предложить свои проекты и конкурировать между собой, – национализм, либерализм и коммунизм. Их мы наблюдаем и в нынешнем российском идеологическом раскладе. Именно в ОНФ я вижу ту силу, которая способна внести консерватизм в политику всерьез и надолго, как мировоззрение, как политическую философию и как политическую идеологию.

Сегодня говорят о консервативной волне. Уже Дмитрий Константинович обозначил очевидный факт посягательств на традиционные ценности и взамен предложения новых ориентаций во всем – в отношениях между полами, в отношениях внутри семьи, в отношении художественного вкуса. В ответ Государственная Дума принимает набор решений, защищая традиционные ценности, решений, получивших наименование консервативной волны.

Некоторые мои коллеги-аналитики, в частности Игорь Михайлович Бунин, убеждают общественность и власть в том, что ставка на консервативную волну контрпродуктивна, потому что креативный класс в России находится в меньшинстве. Соответственно, выступая против него, подавляя его, мы тем самым блокируем возможность для России прорваться в будущее. Вот тезис наших либералов. Игорь Михайлович не стесняется – даже среди, казалось бы, объективных аналитиков-экспертов, чья задача не вставать ни на чью идейную сторону, всё равно существует группа четко маркированная. Есть, так сказать, либеральные эксперты, есть коммунистические эксперты, есть консервативные эксперты, к числу которых я себя не стесняюсь относить.

Встает вполне конкретный, прикладной вопрос – как с этим считаться? Это ведь вывод довольно серьезной аналитической группы. Я уж не говорю о том, что делал Институт современного развития три-четыре года назад, публикуя свои доклады, где прямо провозглашалась именно точка зрения, согласно которой креативный класс, или, как тогда говорили, «модернизационное меньшинство», спасет Россию. А всё остальное, типа Уралвагонзавода, это невежественное большинство – оно должно выступить в роли ресурса, в роли тех, кого нужно будет убеждать. А если убедить не удастся, то можно по схемам 1990-х годов осуществить ту самую модернизацию, мечтой о которой российские либералы живут более ста пятидесяти лет.

В этом смысле я солидарен с Ольгой Юрьевной, которая отметила, что название «просвещенный консерватизм» немедленно отсылает к антониму «непросвещенный консерватизм». Политическая лингвистика – важная вещь. В США изучают тончайшие повороты языка и показывают, как в политическом языке реализуется пропаганда. Вот «политическая корректность» – инструментальное понятие. Одно дело, когда вы говорите «инвалид», по-английски *physically disabled*. И совсем другое – *person with alternative capacities*, то есть личность с другими возможностями. В основе политкорректности лежит идея, в соответствии с которой язык является оружием, с помощью которого можно убить. Поэтому не нужно

убивать, особенно в таком обществе, как Соединенные Штаты, где расовая вражда вмонтирована непосредственно в фундамент. И «чёрные» этого – буду говорить прямо, поскольку мы не в Америке, – никогда не забудут и не простят, даже если Обама – президент.

Но! В самом политически корректном языке, поскольку это инструмент либералов, заложена и возможность господствовать. Вы правильно приводите примеры того, что всё потеряно и что молодые поколения не с нами. Почему? А потому что нет языка, посредством которого можно достичь ушей молодого поколения. И дело не в контенте.

Впрочем, в контенте тоже. Быть может, кто-то из вас слышал, что в 2007–2008 годах, по просьбе Администрации, я осуществил проект по радикальному переформатированию обществознания для старших классов. Мы издали двухтомник: для одиннадцатого класса том назывался «Глобальный мир в XXI веке», для десятого – «Человек в глобальном мире». Отзывы были великолепными. Мы прошли тесты во всех семи округах, объездили всю Россию, общались с преподавателями, с учениками. Не пошло. В той же учительской среде, где традиционное обществознание преподавалось, одна из первых рецензий была – «консервативный откат». На книгу, которая рассказывала о самом современном с позиции российских национальных интересов! А другие учителя писали восторженные отзывы, потому что впервые получили возможность не бубнить сухие формулы одиннадцатиклассникам, а обсуждать самые острые проблемы современности. Что такое Россия? Кто ее враги? Кто ее союзники? Почему у нас такая экономика? Не пошло.

Поэтому прошу вас очень серьезно отнестись к просьбе Ольги Юрьевны найти эпитет к существительному «консерватизм», чтобы очистить его от негативных коннотаций. В середине 2000-х годов на одном из больших семинаров с активом «Единой России» я уже попадал в подобную ситуацию. Мы издали трехтомник, посвященный консерватизму. В кулуарах я напрямую спрашивал: «Ну, почему вы стесняетесь называть себя консерваторами?». Они говорили: «Если мы в Башкирии, в Татарстане, в Иркутске скажем, что мы – консерваторы, всё – народ будет смотреть на нас как на ретроградов, на людей, которые ничего не хотят менять». То есть термин скомпрометирован.

И это не только наша проблема. В 1980-х годах Рейгану удалось возродить консерватизм. Почему пошла консервативная волна? Потому что рейганисты придумали термин *compassioned conservatives*, то есть *compassion* – «сострадание». И не потому, что хотели блеснуть словом. Они исходили из реальной потребности страны, пережившей молодежную революцию, главными лозунгами которой были секс, наркотики, рок-н-ролл. Пусть молодежь повзрослела, но она осталась либеральной. И был придуман этот термин. К тому же все было замешано на крутом антисоветизме. Рейган выдал фразу «Мы боремся с империей зла» – *evil empire*. И это тоже дало мощный стимул.

Не знаю, есть ли у нас ресурсы для того, чтобы наш консерватизм позиционировать как борющийся с каким-то мировым злом. Когда Путин говорил о том, что идет наступление на традиционные, фундаментальные ценности Европы, на христианские ценности, – здесь есть указание на Зло. И когда Дмитрий Константинович вспоминал казус Брейвика, который в такой чудовищной форме протестует, то это тоже серьезно.

Не исключаю, что в смысловых подтекстах нашего консерватизма может присутствовать разворот, аналогичный тому, что позволил американцам победить Советский Союз.

Тот консерватизм, который проявляется в законодательстве и определяется как консервативная волна (и который, согласно интерпретации либералов, является губительным, поскольку блокирует возможность модернизации через ставку на меньшинство, на «креативный класс»), как показывает опыт всех европейских государств, Великобритании в первую очередь, этот консерватизм можно рассматривать как показатель национального выздоровления.

Почему к консерватизму всегда предъявляются претензии? Почему он всегда выступает как ответ? Почему он не наступателен? Почему инициатива всегда на стороне то либералов, то коммунистов? Дело в том, что консерватор по природе своей ценит то, что есть. Бердяевская мысль, согласно которой задача не в том, чтобы построить рай на земле, а в том, чтобы защититься от установления ада, – указывает на главную особенность, на которой базируется консерватизм. На суждении о существующем не как о плохом в сравнении с тем, что где-то или когда-то может быть лучше. На суждении не по принципу «там хорошо, где нас нет». Консерватор смотрит на существующее не с позиции будущего во времени или же другого места, где хорошо, а как на достижение перед угрозой того, что всегда маячит перед нами. И Украина сегодня – убедительный тому пример. Вот что бывает, когда нет консерватизма, – нет консерваторов, и страна рассыпается в прах.

Люди не ценят то, что есть. Им кажется, что так, как они живут, – хуже некуда. Эта черта неприятия очень условна. Нужно долго объяснять человеку, что у него всё же кое-что есть. Но если у него в голове яркий образ совсем иного, с этим уже ничего не поделаешь. Советский Союз распался, потому что мы хотели не один вид колбасы, а триста. И потому что нам показывали по телевизору, как безработные в дубленках приезжают на своих машинах на биржу труда. Вспомните 1990-е годы, перестройку и уверенность в том, что всё решается простым переходом к частной собственности. Это и есть знаменитая революция ожиданий. Люди ждут большего, и ничего с этим не поделаешь. И поэтому просто сказать, что консерватизм – это утверждение ценности настоящего – недостаточно. Это на лекции можно объяснить студентам, что вот это и есть смысл консерватизма: ценить настоящее, потому что есть угроза хаоса. В конкретной же ситуации всегда есть та мера, которая заряжает людей отрицанием настоящего во имя чего-то иного.

Мне кажется, у нас есть серьезный ресурс – историческая память. Говорят, что мы должны гордиться своей историей. Это немножко из другой оперы. По поводу осуждать или гордиться – этим пусть немцы занимаются. Вечно они нам на всех семинарах рассказывают одно и то же: «Вот, смотрите, как хорошо: мы покаяться, и у нас всё замечательно, у нас много колбасы, все богатые и никаких конфликтов». На это я обычно говорю: «У нас другая история, и потому не учите нас жить». Кстати, это один из принципов консерватизма. Невозможно перенести социальные нормы, культурные традиции, иерархию ценностей из одного культурного сообщества в другое. Невозможно. Об этом писал еще наш непризнанный гений геополитики и политической философии Ни-

колай Яковлевич Данилевский. В 1861 году мальчик Дмитрий Иванович Писарев опубликовал свою статью, которую цитировала Ольга Юрьевна, «Схоластика XIX века», где призывал: «Бей направо и налево. Всё, что развалится, не нужно, а что устоит – вот это и есть». И потому сапоги у него выше Пушкина. А всего через восемь лет не такой уж старый Николай Яковлевич Данилевский – между прочим, член кружка Петрашевского, прошедший процесс вместе с Достоевским, – написал книгу «Россия и Европа», в которой одно из важнейших теоретических положений заключается именно в невозможности переноса традиций, культурных ценностей и норм из одной цивилизации, или культурно-исторического типа, как он говорил, – в другую.

Теперь о современности консерватизма. Наша более чем тысячелетняя история представляет собою череду фундаментальных самоотказов. Из этого Владимир Сергеевич Соловьев, наш гениальный философ XIX века, сделал вывод, что это и есть субстанциальное свойство России и русскости вообще. Самоотречение. Можно, конечно, и так смотреть. Но я смотрю с точки зрения прагматики консерватизма. Давайте вспомним. 988 год. Мы берем чужую веру. Не важно, какие последствия. Был народ, который имел своих богов. Появляется власть, которая принуждает народ принять другие ценности. Первые христиане у нас – святые равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга (в монашестве Елена). То есть «инноватор» сам разделяет новые ценности. Но принцип – такой: «Приношу чужое и чем угодно, в том числе силой, внедряю в данную культурную среду». Дальше я пропускаю период существования Руси в составе Золотой Орды – ордынцы не посягали на традиционный ценностный код, в том числе на православие, к тому времени уже ставшее почти натурализованным. Затем Петр I и его предшественники, которые начали бороться с расколом. На каком основании? Опять на основании сравнения с образцом где-то там в Греции, у константинопольского патриарха. То есть вновь берется чужой образец. Свое рассматривается как неправильное и ненужное, требующее уничтожения. В результате единый русский народ, который только-только сложился в результате всех драм и трагедий XVI века, раскалывается пополам. Часть русского народа, и не только русского, потому что и другие народы были православными и хранили традиции старообрядчества, – уходит в подполье и сжигается. Самосжигается. Приходит Петр и делает еще больше. Начинает рубить бороды. В Европе есть великое Просвещение, оно ходит по всему миру, пришло и к нам. Поэтому забудем наши традиции, выйдем из своих горниц, будем носить декольте на ассамблеях, пить кофе и курить трубку. А все прежнее – забыть как страшный сон. И чем закончила Российская империя. В 1914 году – война, в 1917-м Николай II в три дня превращается в гражданина Романова, которого даже родственники в Великобритании не захотели спасать. Оставили на растерзание. Затем 1991 год. Государство, по выражению Василия Васильевича Розанова, «слиняло в три дня». Никто не вышел защищать СССР, кроме условных путчиков и ребят, которые на танках ездили по Москве, по Садовому кольцу.

О чем все это говорит? Механизм российской истории построен таким образом, что социальные новации осуществляются через заимствование. И ладно бы просто заимствование, но ведь всегда против

чего-то, что признается неправильным. И чтобы заставить многих отказаться, нужно их ломать через колено.

Отсюда вопрос: где брать поддержку для модернизации (назовем это все модернизацией), если вы – враждебная среда, если все сопротивляются. Значит, вы должны импортировать кого-то или внутри найти тех, кто является как бы внутренним иностранцем. То есть узость круга модернизаторов – это неизбежность. Вспомните ленинскую фразу: «Страшно далеки они от народа» – она про революционеров, про всех российских модернизаторов. Какой механизм может быть использован для внедрения чужих ценностей? Только насилие. Сначала в виде самодержавной власти. В чем особенность русского абсолютизма в сравнении с западноевропейским? И почему русская история идет как бы в противоход западной? Западная история, становление абсолютизма вели к постепенному расширению пространства политической свободы, начиная с нидерландской и английской революций. Потому что люди развивались на своей основе. Им не надо было ничего ломать. А у нас, поскольку внедрялись чужие идеалы, ценности и нормы, приходилось завинчивать и закручивать, делать власть все сильнее, сильнее, сильнее.

Читайте «Красное колесо» Солженицына. Совет, конечно, абстрактный. Потому что там десять томов. А в нашем мире все смотрят клипы по тридцать секунд. В этой книге, написанной на замечательном, фантастическом русском языке, все объяснено. Почему и как пало царство.

Все время с нашим консерватизмом что-то не получалось. Почему? Потому что консерватор ценит настоящее и, соответственно, ту власть, которая это настоящее удерживает. Но что приходилось делать русским консерваторам? Тому же Победоносцеву, который Александра III убеждал не следовать пути отца. Русским консерваторам все время приходилось поддерживать власть, которая была заряжена антиконсервативно, на радикальные перемены. Разве консерватор настоящий может так действовать? Нет, конечно. Поэтому консерватизм в России так и не сложился в реальную силу, и все русские консерваторы чувствовали трагизм отрыва от власти. Скажем, Лев Александрович Тихомиров – последний великий русский консерватор, который начинал как боевик «Народной воли». Он, слава Богу, никого не убивал. Поэтому Александр III его простил и вернул в Россию. Но эта была личная трагедия человека. Сейчас изданы многие его тома. Вся эта бездна учености и страсть настоящего русского патриота ушли в никуда.

Возвращаюсь в сегодняшний день. В чем смысл, ценность, значимость и важность консервативного курса? Не консервативной волны только – как реакции на эксцессы типа плясок в храме и гей-прайдов. Хотел бы сделать небольшое уточнение. В русском языке утвердилось понятие «гей-парад». Нет никаких гей-парадов. Это шествие представителей ЛГБТ, то есть лесбиянок, геев, бисексуалов и *bisexual transgender*, то есть трансгендеров, людей, поменявших пол. Шествие, которое у нас именуют парадами, называется «гей-прайд», демонстрацией гордости тем, что они такие, какие есть. Парад по-русски – это немножко другое, слово не передает смысл. Гей-прайд это вызов. Не просто «мы есть», а каждый участник говорит: «я горд, что я такой».

Потому консервативная волна, которая идет от народа, от традиционного большинства, должна быть и уже подхватывается идущим сверху предложением консервативного курса. Путин не зря себя позиционирует как прагматик с консервативным уклоном. Он не говорит «я – консерватор», он не привязывает себя к идейным консерваторам. И это правильно. По нашей Конституции, президент – глава государства, его задача объединять, а не выступать лидером одной из партий, как в США, например. Прагматик с консервативным уклоном это означает, что власть не просто посматривает со стороны на Думу, на Мизулину, которую либеральные круги стремятся уничтожить. Слава Богу – не физически, у нас пока еще не Майдан. Впрочем, интеллектуально Майдан никуда не делся из России. Тот же Дмитрий Константинович (Киселев. – *Ред.*) – это просто Савонарола, человек, который отчаянно, бесстрашно идет на бастионы. Нужно быть мужественным человеком, чтобы все это выдерживать.

Предложение консервативной стратегии в ответ на консервативную волну из парламента, от вас – от ОНФ, просто от людей, которые никоим образом политически и организационно не мотивированы, такое предложение имеет исторический смысл, потому что впервые в российской истории для нас открывается шанс объединения власти и народа на одной ценностной основе. Путин себя не позиционирует как человек, который сейчас принесет нам какие-то не известные нам ценности и институты, нормы и правила. Ничего подобного! Он говорит: «Я ценю то, что заложено в нашей с вами истории, то, на чем мы сегодня живем, то, на чем мы с вами воспитаны, на чем воспитываем новое поколение». Это важнейшее признание, когда власть говорит не «я – умная, сейчас научу вас, как жить», а «я хочу вашему традиционному, консервативному уму придать энергетику преобразующей власти, власти, реализующей консервативный социально-политический проект».

(Я оставляю в стороне экономику. Сегодня уже никто не ведет дебаты о необходимости рыночной экономики, кроме самых радикальных коммунистов. Все понимают, что в современном мире иначе невозможно. Либо мы должны строить страну по схеме чучхе, то есть Северную Корею, либо вписываться в глобальный мир, где принципы рыночной экономики неотменяемы.)

Этот консервативный социально-политический проект базирования на наших традиционных ценностях вместо импорта чужих является абсолютной новацией власти. Это персональная заслуга Путина. Ельцин действовал в прежней парадигме. Он пришел как модернизатор, как человек, который откроет России дорогу в светлое будущее. Предполагалось, что власть знает, как лучше. И финал этого всего был показательным – слава Богу, государство не развалилось в 1999-м, хотя было на грани. Все помнят Чечню, все помнят взрывы в Москве. И не только в Москве. Все готовилось к тому, чтобы Россия рухнула.

В чем историческая своевременность консерватизма помимо его политической востребованности? Опыт прежних социальных инноваций в России показывает, что само историческое выживание России нужно интерпретировать как чудо. В логике описанного выше механизма, это государство должно было самоуничтожиться несколько раз. Потому что

у него не было поддержки. Но, странным образом, в войну 1812 года все встали – казалось бы, забытые крепостные, которые не понимали своих бар, говоривших на чужом языке и живших в совершенно другом мире. Это – поразительная вещь. В самые критические моменты власть получала поддержку. Это говорит о том, что здоровое ядро русской нации удерживало государственность вопреки историческому механизму социальных инноваций. Вопреки! В отличие от Запада, который работал вперед, на драйве. Классовая вражда – ерунда. Нации шли вперед. Запад обыграл нас, потому что там был консерватизм.

Если мы этот исторический шанс формирования консерватизма как единой народно-властной платформы упустим, то... смотрите в прошлое. В кризисной ситуации, когда нужно будет выйти на защиту государства, никто не выйдет, потому что государство не будут считать своим. В XIX веке придумали триаду. Какую сегодня триаду придумаем? Это вопрос к вам. Кроме вас, активного консервативного класса – говорю так в противовес классу креативному, – никого просто нет. Только в вашем круге не стесняются говорить вещи, которые в соцсетях и либеральных кругах считаются дикостью, средневековьем, невежеством. Вопреки мнению моего коллеги Игоря Михайловича Бунина уверен, что шанс России не в креативном классе, не в меньшинстве, которое выведет нас в светлое будущее. О креативном классе можно не беспокоиться. Эти ребята замечательно устраиваются где угодно – в Лондоне, в Кремниевой долине... Мы же думаем о нас и о стране. Россию не унесешь. И опыт наших предков показывает, что мы выживали даже в самых страшных ситуациях.

Таков мой взгляд на уместность, своевременность и современность российского консерватизма. Должна заработать сцепка естественной консервативной волны снизу и консервативного курса сверху – рациональная линия, а не пиар-стратегия. Только в этом случае возможно обеспечить три контура защиты государственности, чего не было до сих пор и почему все государственности наши раньше падали.

Первый – контур моральной защиты. Если власть и общество разделяют одни и те же моральные установки, то существует моральная потребность в случае угрозы государству встать на его защиту как гаранта того, что мне не навяжут чужие ценности.

Второй – идеологический. Если государство идеологически нейтрально и если интерпретировать часть 2 статьи 13 Конституции как абсолютный запрет на любое идеологическое проявление власти, тогда все имеют право быть идеологическими, – ТНТ, НТВ и прочие, они могут быть либеральными, коммунистическими, любыми другими, только государственный канал не имеет право быть каким-либо. Но никто не ссылается на эту статью по-настоящему. Вопрос в том, что консерватизм как идеология не может родиться в пробирке, в ученом кабинете. Идеология не рождается в кабинете. Идеология – это то, что движет массовыми движениями. Других, кроме вас, массовых движений я не знаю. Может быть, я вам льщу, тогда извините. Я обзираю российский ландшафт и другого массового движения не вижу. Следовательно, это вызов вам. Прежде чем стать политической идеологией, консерватизм должен выразиться в какой-то общеприемлемой, общенациональной форме. Дис-

---

куссия о консерватизме не должна остаться семинаром раз в три года. Вы ничего не добьетесь, если не будете объединены четкой и понятной идеологией. Но не по учебникам. Не надо читать книги, чтобы понять, почему вы консерваторы. Объясните своим языком тем, кто живет рядом с вами, кто считает вас лидерами общественного мнения, почему вы консерваторы.

Третий контур – политический, небывало благоприятная ситуация, заключающаяся в том, что у нас с вами демократия. Российская власть всегда была авторитарна, вплоть до Ельцина. Сегодняшняя власть – демократична, потому что она поддержана народным большинством. Это уникальная ситуация в российской истории, когда власть пользуется такой поддержкой. Даже личные враги Путина признают, что он был избран честно. А консерватизм жизнеспособен только в демократической среде. Только в ней возможно зафиксировать свободный выбор большинства. То есть политический контур, который защищает государственность, задан именно тем, что Путин – демократический президент.

Итак, моральный и политический контуры налицо. Задача – создать идеологический контур защиты государства, защиты будущего. Бисмарк сказал, что прусский учитель выиграл битву при Садовой в 1866 году, когда в борьбе с Австро-Венгерской империей создавалось национальное государство Германия. Не штыки выиграла Германию, а школьный учитель, который правильно учил и воспитал германскую нацию. И для нас это сегодня – ключевая задача.

С.П. Локтионов. Леонид Владимирович! Все, что вы говорили сегодня, мне по душе. Но есть один момент, который меня не удовлетворил. Приводя примеры, вы начали с князя Владимира, а закончили советским периодом. Но князь Владимир принимал веру в помощь государству, в обретение смысла и основы жизни. В советский же период сменялся строй, как и при Петре I. Если Горбачев или Ельцин сказали бы, что мы возвращаемся к православной вере, тогда такое сравнение было бы уместно.

Л.В. Поляков. Я анализировал ситуацию как прагматик, то есть препарировал логически. Мне показалось, это убедительное объяснение того, что с нами происходило и что нужно делать сегодня. Но сказанное мною ни в коем случае не есть что-то подобное «Краткому курсу». Вы как член ОНФ и как верующий человек, убежденный в том, что в основании России – вера в Бога, можете и должны свидетельствовать об этом. В ОНФ христианские и вообще религиозные ценности – это один из краеугольных камней. Ваш взгляд на российскую историю как сотворенную Богом, при участии Божественной воли, ни в коей мере не противоречит той схеме, которую я предложил. Это ваши личные убеждения, разделяемые тысячами, сотнями тысяч верующих христиан, для которых Россия и Божественная воля связаны непосредственно.

Ваша вера это не просто ваше право, но и ваш долг. В Западной Европе верующих христиан преследуют, социально дискриминируют. Был чудовищный случай, когда в Великобритании семья не получила ребенка, которого хотела усыновить. Его отдали в другую, гомосексуальную, семью, с приговором суда, что, к сожалению, эта семья слишком христианская. То есть судья

решил, что воспитание в христианской семье будет слишком ангажированным.

О.А. Каштанов. Если я правильно понял, главный смысл вашего выступления заключается в том, что мы на основе идеологии консерватизма можем объединить власть и общество. Идея замечательная. Но, как мне кажется, есть проблема в ее восприятии обществом. Вы рассказали о неуспешной истории консерватизма в России. Это многих будет отпугивать. И еще один момент. История России – это история корневых ломок и модернизаций. Наше поколение воспринимало такие ломки как позитив – идею ускоренной коллективизации, идею ускоренной индустриализации, научно-технического прогресса, перехода от атомной бомбы к запуску ракет. Здесь имеется связь между экономикой и политикой. Мы ратуем за консерватизм в политике, но этого ли мы хотим в экономике? В экономике мы ратуем за инновации.

Л.В. Поляков. Олег Александрович, возможно, вы упустили, но я об этом говорил специально. Я исключаю экономическую сферу из борьбы за консерватизм.

О.А. Каштанов. Мне кажется, у людей будет именно такое восприятие. С одной стороны – консерватизм в политике, а с другой – инновации в экономике. Когда мы говорим о консерватизме, об идеологии, об ожиданиях людей, о том, готов ли гражданин защищать власть, следует помнить о таком понятии, как справедливость. В России чувство справедливости всегда было обостренным. И если человек чувствует несправедливость, он не будет эту власть поддерживать. Поэтому в нашей дискуссии о консерватизме нужно говорить и о справедливости.

Здесь уже отмечали, что консерватизм может восприниматься как оборонительная стратегия. А вы говорили о необходимости наступательной. В советской системе был этот заряд наступательности. И мы ощущали тогда, что наша идеология справедливая. И потому были успехи.

Л.В. Поляков. Олег Александрович, коммунизм предлагал проект будущего на основе разрушенного до основания старого мира. У коммунизма такая установка – все плохо. Потому храм Христа Спасителя сносили, всех уничтожали, кто не коммунист. Читайте романы Андрея Платонова, гениального писателя, который отобразил ментальность наших предков. Это люди действительно верили, что космическую революцию совершили. А консерватизм не может предложить космическую революцию.

Вы подметили некую технологически-логическую проблему. С одной стороны, я утверждаю, что консерватизм реакционен, в смысле его реактивности. Консерватизм реагирует на угрозы, а пока всё спокойно – спит. Классики консерватизма говорят: если консерватизм спит, то значит всё – слава Богу. Если же он появляется, это симптом нездоровья. И если консерватизм сильный, значит, организм здоровый, реагирует на воспаление. С другой стороны, я говорю, что нужно как-то наступать, перестать быть обороняющейся стороной. Еще раз повторю: сегодня мы имеем уникальный шанс трансформировать консерватизм, который всегда приходил поздно и всегда защищал власть, которая делала не то, что хочет большинство, – в консерватизм, который работает на единство общества и власти и создает три защитных контура российской государственности. В этом смысле наступательность. А не в том, что мы будем предлагать какие-то заоблачные проекты. Наоборот, вызов еще и в том,

чтобы переосмыслить нашу историю. Что же касается вашего замечания, что это пойдет вразрез с традиционной установкой на величие нашей истории, то давайте видеть в этом нашу технологию, которая помогает выработать идеологию. Я могу такую историю преподавать интеллектуалам. Но в школьный учебник истории закладывать такое понимание не обязательно, потому что это понимание с точки зрения истории консерватизма. Но возможен и другой подход. Сергей Павлович (Локтионов. – *Ред.*) может говорить о русской истории как о том или ином проявлении Божественного промысла.

Т.В. Метелкина. С чем мы можем столкнуться при определении современной «триады», которая звучала раньше «за веру, царя и Отечество», а потом «самодержавие, православие, народность». Давайте называть вещи своими именами. То, что вы подаете как историю катастроф, есть история выживания вопреки. То, что вы называете поражением, можно трактовать как победу. Если в Москве какие-то слова непросто произносить, то вне Москвы все свободно говорят то, что думают, у нас других практически нет.

Л.В. Поляков. Я брал самый пессимистичный сценарий.

Т.В. Метелкина. Но на экранах только Москва. Людям, которые исповедуют либеральную идеологию, дают площадку. А когда вы говорите, что мы здесь рассуждаем только о политике, то возникает вопрос о справедливости, которая с экономикой связана теснейшим образом. Если в экономике у нас будут те бонусы руководителей госкомпаний, которые есть сейчас... Сегодня был разговор с водителем такси. Он говорит: «Видите, машина едет? Знаете, сколько она стоит? Вот эта девять

миллионов, эта – шестнадцать. Ни я, ни моя мать, которая работала главврачом больницы, никто из нас не в состоянии на такую машину заработать честным путем...». Мы тему справедливости не обойдем никак.

И второе, очень опасный момент. Мировоззрение верующего человека – это мировоззрение по треугольнику. То есть мы всегда включаем в треугольник Господа Бога, и наш мир он в треугольнике, у нас не 2D-, а 3D-мировоззрение. То есть мы действуем не один напротив другого, а через помощь Божию. У всех верующих людей, будь то мусульмане, иудеи и исповедующие прочие религии, у них у всех такое мировоззрение. Но есть огромное количество людей... Вот вы сказали, что как ученый не могли это включить в свою логику. Многие ученые уже не сомневаются в том, откуда эта частица, бозон Хиггса. По всем законам, ее не может быть. Как об этом говорить, чтобы не оттолкнуть людей, чтобы не возникало ощущения насилия над их ценностями? То же и со словом «реакция». Приходится заменять его на «иммунитет» как реакцию организма.

Л.В. Поляков. Татьяна Вячеславовна, вы подняли очень важный вопрос, значит, я говорил не впустую, – отшатнется ли часть верующих. Это скорее Сергей Павлович (Локтионов. – *Ред.*) может сказать, насколько это опасно с точки зрения раскола, насколько можно акцентировать свою религиозность и насколько реакция других, кто не считает себя связанным той или иной верой, будет отстраняющей. Найти формат взаимодействия – это крайне важно. И вы уже вторая, кто поднимает вопрос о справедливости. Я предлагаю на ваше обсуждение формулировку российского консерватизма как консерватизма справедливого. К тому же справедливость

уже была позиционирована как актуальная ценность номер один на конференции ОНФ в Ростове-на-Дону в минувшем году.

С.Р. Баталова. Хотела бы предложить свой вариант преподнесения российского консерватизма. Мы живем на плодородной земле, на ней растут деревья, много деревьев, все устойчивые, с крепкими корнями. А экономика – это вода и удобрения, которые подпитывают это консервативное дерево. И нам дай Бог избежать тех генно-модифицированных продуктов, которые из Европы на прививки присылают. Консерватизм – это сад, где есть и экономика с инновациями, и наши ценности-корни. И все мы в этом саду живем, и никому на этой земле не тесно.

Л.В. Поляков. Сажидя Растамовна, я в восхищении, почти по формуле из «Мастера и Маргариты». Вы знаете тех, к кому вы можете обратиться, и вы находите тот язык, который будет людям понятен. Это крайне важно, чтобы в разных регионах России идея консерватизма была представлена в соответствии с конкретным культурно-историческим контекстом, и через яркие образы.

С.Р. Баталова. Насчет религии. Я – верующая мусульманка. Бог у нас один, един. И различия наши – не самая важная проблема, когда мы будем объяснять что-то людям. Но вот три ценности современного консерватизма, которые мы должны найти, это, наверное, тема будущих наших дискуссий.

О.Х. Авдыш. Разрешите присоединиться к дискуссии по поводу веры и неверия. Как психолог могу сказать, что неверующих людей не существует: одни верят в Бога, другие верят в то, что они в Него не верят. Человек без веры не

существует. Коммунизм строили верующие люди, просто они верили в другое.

И либерализм строят верующие люди, причем они, как сектанты, слышат только то, во что верят. Раз в каждом человеке присутствует какая-то вера, мы можем это должным образом учитывать, чтобы никого не оттолкнуть.

По поводу экономики и традиций в экономике. Говорят, что экономика требует инноваций. Но когда берем немецкое пиво, там написано, что оно сварено в соответствии с баварским законом о чистоте пива 1516 года. Экономика любит традицию, потому что традиция – это знак качества. Если я пятьсот лет выпускаю этот продукт, то он, конечно, востребован рынком. Традиция и в экономике является позитивом.

Мне очень понравилось то, что сказала Сажида Растамовна, и я хотел бы сразу термин предложить – коренной консерватизм, или корневой. Вот у Сергея Павловича (Локтионова. – *Ред.*) Коренная пустынь в Курской области. И если, как вы говорите, Россию не раз ломали через колено, чтобы внедрить в нее какие-то ценности, а она все-таки осталась, то почему она осталась? Потому что есть такие коренные вещи. Господь Бог Россию всегда спасал. И это тот самый коренной консерватизм, который из любой бури Россию, как птицу Феникс, выводит обновленной.

Л.В. Поляков. Справедливость взывает к проблемам сегодняшнего дня, а эпитет «коренной» отсылает к чему-то более глубинному...

С.П. Локтионов. Справедливость – это коренная черта русского народа, из-за которой все ломки и были. И Никита Сергеевич Михалков в слово

«просвещенный» как раз и вкладывал обращение к корневой основе человека...

Л.В. Поляков. Все правильно, манифест его называется «Право и правда». Вы предлагаете своего рода тендер идей. И так, у нас есть уже три варианта: справедливый консерватизм, корневой и коренной.

Н.Г. Куликовских. Одно маленькое замечание. Человек по своей сути консервативен. Вот я в своей деятельности очень много езжу по маленьким, забытым деревням. Там живут бабушки, дедушки – люди, которые чтут традиции. Я бываю в их домах, беседую с ними, не очень грамотными, не знающими никаких течений, не читающими Бердяева. Но они соблюдают те традиции, берегут ценности, которые впитали с молоком матери, из поколения в поколение, из рода в род. А человек верующий – он особо консервативен, потому что Библия, Коран – это незываемые ценности, которые не зависят от того, в космос мы полетели или, наоборот, в микромир проникли. Но есть основа всего мироздания – те самые десять заповедей, ничего нового мы не изобретем. И потому из-за консерватизма бояться раскола, по-моему, не надо.

Л.В. Поляков. Согласен, тем более что есть примеры американских консерваторов, которые включают очень разные фракции. Но в самом сообществе американских консерваторов есть и те, кого считают религиозными фундаменталистами. Хотя там вся нация верующая, и президент Соединенных Штатов всегда клянется на Библии и, не стесняясь, ходит в воскресенье в церковь. Если бы наш президент клялся на Библии, я представляю, какой поднялся бы шум. Так что проблемы я тоже здесь не вижу. Но если опасения есть, то все эти моменты необходимо проговорить.

Т.В. Метелкина. У нас здесь разговор о вере возник до некоторой степени случайно, и многие искренне не готовы к этому, не принимают. Например, у меня в редакции прошло только сочетание «разумный консерватизм», потому что это добавляет инновации, добавляет движение вперед. Но у части граждан, воспитанных атеистами в Советском Союзе, упоминание веры вызывает негативную реакцию.

Л.В. Поляков. Скажу как технолог: большинство никогда не создает идейные конструкты, их создает активная часть населения – не импортированные модернизаторы, а национальная элита, запрос на которую уже есть. И вы как национальная элита, которая не боится себя позиционировать как национальная, только и можете это сделать...

О.Х. Авдыш. Принятие чего-то нового идет через репозиционирование по одному градусу в день – средства массовой информации начинают, и через 180 дней происходит разворот на 180 градусов.

Л.В. Поляков. Совершенно верно, людей можно убедить в прямо противоположном.

А.Н. Атласова. Хотела бы сказать по поводу того, как привязать консерватизм к современности. В том мире, который нас окружает, очень много новизны. Мы тоже должны быть современными, мы должны преподносить традиционные ценности так, чтобы достучаться до наших детей, так, чтобы звучало современно...

Л.В. Поляков. Алёна Николаевна поставила ключевой вопрос. Я говорил о современности, но не говорил о том, как этот консерватизм вписать в поколенческий формат. Мы с вами люди давно уже взрослые, а наши дети и внуки

живут в несколько иной реальности. Есть знаменитая фраза, приписываемая Черчиллю: кто в молодости не был либералом, у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором, у того нет ума. Предполагается, что молодость – это либерализм. То есть задача вовлечения молодежи объективно сложна. Эту задачу эффективно не решил ни один консерватизм, ни в Америке, ни в Англии, ни в Германии, о Франции вообще говорить нечего – там консерватизма в принципе нет. Нерешаемая задача. Таков наш род человеческий.

А.В. Будяк. Мы все прекрасно понимаем, о чем идет речь, и, наверное, не столь важно, какой термин мы сегодня найдем. Будет это русский консерватизм, коренной или еще какой-то – неважно. Мы все здесь патриоты нашей Родины, и для нас самое главное, чтобы у России было будущее и будущее это было процветающим. Мы говорим о том, что сегодня делать с нашими любимыми детьми, с теми, которые каждый день включают телевизор, которые каждый день слышат своих родителей и которые это все транслируют в своем кругу общения, в школе или где-то еще. Наступила точка невозврата, когда уже президент Российской Федерации обратился к учительству. К тем, кто – спасибо нашим чиновникам! – за последние четверть века превратился в продающих знания оказателей услуг. Мы начали продавать образование, и сегодня это уже не стыдно. Мы благодарны президенту за то, что он сказал: «Так, стоп!». Наше учительство – это форпост духовности и нравственности. Нужно, чтобы с самого малолетства наши дети понимали, что такое Родина и как бьется ее сердце, как пахнет ее земля. Вот сегодня моему сыну четыре года, мы с ним смотрим «Новости», и я обсуждаю с ним проблемы Украины. Конечно, он мало что понимает, но это делать нужно. Я работаю директором школы, и продукт

работы в семьях вижу каждый Божий день. Сегодняшнее поколение родителей – это та молодежь, чье личностное формирование пришлось на 1990-е годы. Они не могут вложить в своих детей то, что мы называем традициями, фундаментом. Это должны сделать мы, в борьбе с той негативной информированностью, которую нашим детям обеспечивают Интернет и средства массовой информации.

Мы, наверное, завтра выступим с предложением, которое сегодня уже звучало. Коллеги, давайте пригласим на следующую встречу министра культуры. Чтобы задать ему вопрос: до каких пор наши дети будут, включая телевизор, смотреть там мультики, которые пропагандируют суицид? Я на кухне после работы слышу: в комнате ребенок смотрит мультик о том, как какой-то мультипликационный герой достиг горы самоубийц, победил, понимаете... Я влетаю в комнату, выключаю телевизор, блокирую этот канал. Но далеко не все это видят и понимают, о чем вообще идет речь.

Сегодня у нас идет подмена понятий. Самое главное не то, какое слово найдем, – мы все понимаем, что делать, мы знаем, как делать, нас много, и мы в состоянии со всем этим справиться. Главное – не забывать, что Россия – это особое государство, ведь еще в Евангелии от Матфея сказано: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:19–21).

Именно это давало силы русскому народу жить, выжить и быть тем особенным, ни на кого абсолютно не похожим. Что делать с нашими детьми? Любить их,

воспитывать любовью, личным примером и конечно воспитывать любовь к Родине. Спасибо.

Л.В. Поляков. Уже понятно, что есть один маленький параграф идейной платформы ОНФ, того будущего консервативного манифеста, который мы сейчас пытаемся готовить...

Н.П. Ильинова. У нас было увековечивание памяти героя Дмитрия Маковкина, который в Волгограде закрыл собой людей, присвоение его имени школе. Собралось около тысячи человек в небольшом районном центре, из которого большинство жителей уехали на заработки и остались только старики и дети. Очень многие приехали из Волгограда, сослуживцы в основном. Сейчас часто говорят о преемственности поколений. Так вот эта преемственность там была. Пришли старики, пришли ветераны афганской войны, чеченской войны. Говорили, каким он парнем был. Родители – простые труженики. Вот наше воспитание, наша идеология. Их никто не учил, никаких они институтов не кончали, но они этих маленьких детишек, которые стояли там на линейке, собственным примером воспитывали. Перед началом мы разговаривали с директором школы Александрой Владимировной. Она говорит, что бюджет школы нищенский, не сходится баланс, но главное даже не в этом. Мы не можем научить уму-разуму детей, которые сегодня приходят в школу, потому что мы упустили уже их родителей. Конечно, сейчас власть стала больше заниматься воспитанием, но как сопредседатель Народного фронта считаю, что нам надо больше сил тратить на связь поколений. Только примером учится наша молодежь, наши дети.

Л.В. Поляков. Надежда Павловна, вы говорите прямо как отец-основатель консерватизма Эдмунд Бёрк. Нация – это те, кто уже умерли, те, кто живет сейчас, и те, кто еще не родился. Вот краеугольный взгляд консерватора на нацию. Не мы, которые сегодня можем делать что хотим, а мы как наследники наших отцов и мы как родители наших детей. Поэтому для консерватизма первое – не права на что угодно, а ответственность. Только потому мы имеем права, что мы имеем обязанности.

Н.П. Ильянова. Вот мы говорим о религии. Я советскую школу окончила и советский институт. Мы – атеисты. Нас воспитывали атеистами. Но вера есть у каждого внутри, потому что без веры никуда не пойдешь, даже в ОНФ. Правильно Ольга Юрьевна сказала: «Если бы не верила, я бы здесь не была». Так и мы, если бы не верили в ОНФ, мы бы здесь не были. Лично я ни в какую партию никогда не входила. А здесь я верю в то, что действительно нужны воля, сила и энергия наши. Люди нуждаются в этом. Раньше на все большие праздники были народные гулянья. Сегодня этого нет. А люди хотят выговориться, хотят общения. Люди хотят быть услышанными. Правильно Владимир Владимирович говорит, что нужно быть с народом. И у нас в Калмыкии это получается, нас слышат.

А.Ф. Соломаха. У меня вопрос технологический. Я часто вижу Путина, такого одинокого всадника, не хочу сказать Дон Кихота. Есть ли у меня шансы услышать завтра, когда будет много выступающих, что это не одинокая линия нашего лидера, а у него будет поддержка информационная, его министров, политтехнологов?

Мы можем рассуждать коренной или молочный, мы не любим слов «консервы», «консерватизм». Консерватор в русском

языке, советском – это ругательное слово. Мы пришли к мысли, что мы традиционалисты, за традицию, уважительное такое слово. Я понимаю, что не оно пойдет, но консерватором тоже быть тяжело.

Л.В. Поляков. А вы, Анатолий Федорович, за какую традицию? Инновации через колено? Я рассказывал про русскую историю. Вы за эту традицию?

А.Ф. Соломаха. Нет.

Л.В. Поляков. Консерватор – не традиционалист. Это разные позиции, традиционалист – он, как слепой, он повторяет то, что было когда-то.

А.Ф. Соломаха. Даже в нашей дискуссии десяток человек употребили слово «традиция». В абсолютной логической связке с консерватизмом.

Л.В. Поляков. Выбор между двумя терминами однозначный. Традиционалист, во-первых, не выговаривается, во-вторых, означает другое, а в-третьих, вас поймают на этом. Вы за какую традицию? Ну, за какую? Ну, вот и...

А.Ф. Соломаха. Нет, я хотел ответить, но боялся, что получится напыщенно...

Л.В. Поляков. Ответьте.

А.И. Бочаров. Коллеги, разрешите мне вмешаться в диалог. А для чего тогда ОНФ, Анатолий Федорович?

А.Ф. Соломаха. Народный фронт – это движение, которое создано в поддержку единственного человека из крупных политиков, которому народ доверяет, на которого есть надежда, может быть, одна из последних надежд нашей истории.

А.И. Бочаров. Ну вот, вы сами ответили на вопрос. Зачем вам ждать, что будут говорить министры. Сегодня здесь собрался костяк людей, которые хотят вырабатывать идеологическую платформу, людей, которые поддерживают президента. С другой стороны, вопрос уже к вам, к исполнительному органу движения, обеспечить, чтобы все участники имели возможность транслировать эту позицию, позицию президента, через СМИ, через общение с людьми в регионах. А ждать, что министры начнут что-то транслировать... Если бы было так хорошо, то ОНФ был бы не нужен. Президент поставил задачу четко: он должен знать, чем живут люди. Нужен прямой диалог между президентом и обществом. И вы, уважаемые коллеги, этот диалог обеспечиваете, снизу вверх и сверху вниз. Мы с вами последний рубеж. Мы должны двигаться вперед, отступить некуда. Я со многими министрами не согласен по их решениям, действиям, по тому, как они транслируют позицию президента. Не уповайте на министров, на СМИ – это инструмент...

А.Ф. Соломаха. Андрей Иванович, извините, что перебил. Объясняю суть своего выступления. Про нас многое тут говорили, что мы – соль земли, представители чего-то нового, идейного... Я просил, чтобы руководство ОНФ именно в таком ключе, как вы сейчас, формулировало нам задачи. Чтобы это понимание дошло до мест.

А.И. Бочаров. Коллеги, будем чаще встречаться. Мы во Фронте хорошо взаимодействуем и друг друга понимаем. Но без серьезной идеологической подготовки, без таких профессионалов, как Леонид Владимирович (Поляков. – *Ред.*), Ольга Юрьевна (Васильева. – *Ред.*), нам невозможно. Нужно спорить, доказывать, аргументировать, объяснять. Вы – ядро той

системы, через которую будет проводиться идеология президента. Мы ее называем консерватизмом.

С.Р. Баталова. Почему бы нам не подумать еще о прилагательных? Предлагаю варианты: созидающий консерватизм и конструктивный консерватизм. Теперь по поводу поколенческого формата. В прошлый раз, когда мы собирались, я говорила, что нам нужна детская общественная организация, детское общественное движение. Я отправила Андрею Ивановичу (Бочарову. – *Ред.*) в исполком идею организации «Орлята России». Если бы мы их со второго класса вели, тогда смогли бы через проекты работать с детьми по военно-патриотическому воспитанию, по духовно-нравственному, оздоровительному, творческому и так далее.

А.И. Бочаров. Уважаемые коллеги, мы эту тему обсуждали еще в прошлый раз. Воспитание наших детей, наших внуков зависит от нас. Мы понимаем, что это надо делать, но как? Раньше, в Советском Союзе, было все понятно. Сейчас время изменилось, институты изменились. Как это сейчас сделать? Думаю, надо создать группу, которая начнет по этой теме работать и даст свои предложения.

М.В. Михайлов. Еще вопрос. Консерватизм как платформа взаимодействия власти и общества может столкнуться с препятствиями при распространении и в направлении власти. Как правильно было сегодня сказано, один президент не сможет быть носителем этой идеи, если она не будет подкреплена всеми другими уровнями власти. Тем более что в последние годы власть активно демонстрировала реформаторский зуд. Не получится ли так, что распространение

идеи консерватизма станет причиной, наоборот, дальнейшего отчуждения власти и общества? И второй вопрос. Может ли консерватизм быть прогрессивным?

Л.В. Поляков. Первое – что делала власть и насколько перспективна возможность появления консерватизма как идеологии, освоенной властью. Это проблема, которая не может быть заранее решена, до того как вы сформулируете четкую и ясную консервативную платформу. Необходимо, чтобы политическая сила, например, в лице «Единой России», освоила консервативную идеологию и, наконец, заработала как ваш политический представитель, или вы вместе с ней, если учитывать модель будущих выборов. Предполагается, что значительная часть депутатов должна быть и от Фронта, ведь от хорошего не отказываются. Это хороший формат, он плодотворен: мы видим, что представители Фронта в Думе – самые яркие там люди.

Бояться можно, но до тех пор, пока вы не предложите привлекательный продукт. Ведь политики озабочены чем? Электоратом. Если вы предлагаете им товар, который повышает их рейтинг, никто не откажется. Пока ваш лидер четко и внятно на вашей стороне. Он не стесняется говорить о своих консервативных взглядах. Идеологическая работа – сложная. Политик не всегда идеолог.

Насчет прогрессивного консерватизма. Я сегодня уже говорил о том, что прогрессивным принято считать не наше.

Но на деле это никакой не прогресс. Ломка не может быть прогрессом. Это все равно, что ребенку каждый раз ломать ногу и говорить: вот теперь ты вырастешь нормальным человеком. Вы очень хороший вопрос задали. Это одна из тем, над которыми нужно думать. Почему Запад нас обыграл? Потому что там есть консерватизм. А мы связываем с Западом понятие прогресса – все самое прогрессивное там. Если нет консерватизма, никакого прогресса не будет. Будут очередная ломка и очередное заимствование. Петр Яковлевич Чаадаев, первый русский западник в религиозном смысле, сказал страшную и горькую правду, за что русское общество его осудило, а Николай Павлович его спас, назвав сумасшедшим, иначе его посадили бы. Чаадаев первым сказал про нашу беду: мы растем не созревая, мы все время заимствуем, мы отбрасываем вчерашний день ради будущего. Это традиционное понимание прогресса как заимствованного у кого-то, так называемая догоняющая модернизация. Консервативное понимание прогресса – важнейший пункт в идеологии, которую вы должны предложить политическим силам и прежде всего президенту.

А.И. Бочаров. Леонид Владимирович, большое спасибо. Рад, что вы тоже подпитались идеями Народного фронта.